

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА ТОЛЕРАНТНОСТИ: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

В.И. Кабрин (Томск)

Аннотация. Работа посвящена коммуникативному синтезу основных психологических парадигм классической и современной психологии. Делается попытка понять синергию рассматриваемых подходов в духе толерантной коммуникации.

Ключевые слова: толерантная коммуникация, классическая психология, современная психология.

В психологии давно сформировалась хроническая тенденция: самобичевание психологической науки осознанием собственных кризисов в понимании душевной реальности. А мне хотелось бы обратить внимание на возможность ее ренессанса, ибо все разнообразие психологических подходов, парадигм, несмотря на кажущуюся их несовместимость, так или иначе вносит позитивный вклад в решение проблемы, глобальность и значительность которой особенно остро осознается в последнее время. Речь идет о проблеме толерантных отношений и толерантного сознания личности, в которой сходятся такие духовно-экзистенциальные аспекты, как ответственность, свобода, автономия, инициатива и креативная решительность. Здесь мы сознательно говорим о науке толерантности (а не о толерантности), имея в виду, что, по сути, любое психологическое направление, кроме своих внутренних теоретических коллизий, дает людям позитивный опыт душевной жизни и устойчивости к трудностям.

На мой взгляд, единство всех вышеназванных моментов наиболее органично может проявиться в зрелой культуре человеческой коммуникации. Почти во всех моих работах, посвященных проблемам коммуникации, последняя рассматривается как феномен и как сложнейшее пространство жизни человека в самых различных ракурсах. Однако я никогда не забывал и о сверхзадаче этих исследований, а именно: понять коммуникацию как самый чувствительный и многомерный инструмент исследования наиболее тонких явлений мира. Путь к этой вершине рефлексии лежал через переосмысление великого множества феноменов – случаев – трагедий человеческого общения и их концептуализаций в широком междисциплинарном пространстве: от этологии и лингвистики до искусствоведения и теологии. Такая методологическая рефлексия представилась мне возможной лишь тогда, когда в моем экзистенциально-профессиональном сознании наконец свершился Гештальт – «октавы общения», открывший коммуникативный универсум переживания жизни-в-мире [1, 2]. Возникающая на такой основе методология не ущемляется в принципы ни классической, ни постнеклассической гносеологии, хотя и более соразмерна и близка последней. Более того, представляемая ниже коммуника-

тивная методология приводит к новому пониманию психологической и психотерапевтической практики. Теперь обо всем этом подробнее.

Исходным постулатом коммуникативного подхода может быть понимание первичности коммуникативного процесса, в который погружен человек относительно всех остальных форм его активности, включая поведение и деятельность, в том числе и научно-познавательную. В этом контексте исследование – это не познание субъектом объекта в традиционном смысле, а внутренняя, гочнее, интра-, транс- или *метакоммуникативная* переориентация исследователя в коммуникативном поле, когда трансформация его коммуникабельности меняет и структуру «переоткрывающегося» смыслового пространства реальности. Весь исследовательский инструментарий и программы исследования могут быть адекватно осмыслены и реализованы именно в зависимости от понимания вышеуказанного контекста. Однако парадоксальность ситуации в том, что человеческое общение как таковое в качестве предмета в науке осознано и представлено раньше, чем в качестве универсального метода исследования¹. В лучшем случае, в гуманитарных науках, общение как предмет и общение как инструмент исследования оформлялись параллельно и даже умудрялись существовать независимо друг от друга (например, описание методов интервью, опроса и т.п. почти не опирается на сколько-нибудь развернутую теорию коммуникации, хотя очевидно, что речь идет о наиболее сложном коммуникативном процессе, ориентированном на познание нового). Если же следовать принятому постулату (не хотелось бы тратить время на объяснение его очевидности), придется признать, что человек всегда является соучастником целостного коммуникативного процесса, из которого традиционный исследователь пытается абстрагировать объект, предмет, противопоставляя их себе как нечто внешнее. Возможно, это и есть первая гносеологическая погрешность научной методологии.

Изначальная включённость исследователя в коммуникативное поле реальности задает и специфику самой

¹ Удивительно, что в философии мы наблюдаем противоположную картину, где со времен Сократа диалог является первичным инструментом философского анализа.

исследовательской ситуации. Когда исследователь пытается абстрагировать определенные явления этого поля как «объекты», они на самом деле уже являются его «партнерами», откликающимися и заявляющими ему о себе в меру его собственной коммуникабельности. Между прочим, масштаб и дифференциальный порог личной коммуникабельности исследователя провоцируют (чаще всего неосознанно) характер отклика или ответного проявления исследуемого (испытываемого). Напомним, что критерий коммуникабельности здесь вроде бы чрезвычайно прост: человек чувствует себя в контакте с тем, в чем чувствует смысл, поскольку коммуникация – это прежде всего смыслообразующий и смыслотворческий процесс. Поэтому тип и вид, форма и стиль, уровень и в целом культура коммуникации исследователя и «испытываемого», по сути, и определяют качество результатов исследования. Отсюда понятна необходимость в хорошей теории коммуникации как естественного основания методологии исследовательского процесса.

Может быть, в большей мере это относится даже к практической ориентации психологической методологии. Поражает назойливый оптимизм великого множества современных психологических техник, технологий и практик, обещающих трансформировать душевную жизнь, личность, межличностные отношения до неузнаваемости в самых различных сферах. Однако, с точки зрения коммуникативного подхода, аттракция, эмпатия, аффелиация, децентрация, идентификация, откровенность, интуиция, трансцендирование как конституирующие свойства коммуникативного процесса в психологической практике (консультировании, поддержке, фасилитации, супервизии и т.п.) имеют не только инструментальную значимость, но и принципиально раскрывают специфику практической коммуникативной методологии. Ведь речь идет о естественных, реальных коммуникативных отношениях, партнерстве психолога и клиента как исключительном событии, разделенных переживаниями и ответственности на интра-, транс- и метакоммуникативных уровнях. Следовательно, основной фон психотерапевтических воздействий и манипуляций оказывается при этом не только необязательным, но и «излишним». С точки зрения этой методологии важно научиться мобильности и креативности выбора коммуникативных отношений и процессов, чтобы тот вариант коммуникации с партнером, в котором он раскрывается, был, как он есть в трансцендентной значимости своих проблем. Далее – сотворчество в их свободно сопряженных коммуникативных мирах, поскольку человеческая коммуникация – это единственная возможность истинно свободной встречи среди разнообразия всех существующих взаимодействий. Она действительно всегда возможна, но не гарантирована. В этом контексте практической методологии возникает рискованная гипотеза, которая может быть проверена лишь в рискованном опыте. Психотерапевтический миф излечения (изменения) действует на клиента наркотически, созда-

вая искусственное поле игр между ним и психологом. «Выпаскивая» клиента из его «болезненного опыта» (якобы для его же пользы), действительно ли помогает он ему стратегически в конечном счете? А если ценность любого коммуникативного опыта абсолютна и трансцендентна для конкретной души и ее уникальной миссии? Имеют ли в этом контексте реальный позитивный стратегический смысл, например, «заниженная самооценка», «застенчивость» или «высокомерие» и т.п.? Получается, что с точки зрения коммуникативной методологии мы обязаны признать любые душевные состояния и проявления человека имеющими реальный жизненный смысл и коммуникативное значение, вне зависимости от конкретных социальных и психиатрических норм и стереотипов, существующих в его окружении.

Все высказанные следствия и гипотезы нашего подхода будут выглядеть лишь декларацией, если не сформулировать его основное требование: контролирование (измерение, учет) необходимого и достаточного комплекса коммуникативных переменных, непосредственно порождаемых развернутой концептуальной параметрической моделью коммуникативного процесса, соответствующего актуальной проблемной ситуации.

Конечно, сформулированное выше требование предполагает возможность построения и реализации иерархической системы таких коммуникативных моделей. Но прежде чем перейти к их дальнейшему представлению, важно ответить на один критический вопрос – что новое и существенное предлагает коммуникативный подход в решении вечной проблемы понимания аутентичного способа существования души человека без апелляции к известным физическим, физиологическим, поведенческим и абстрактно-системным редуциям. Несколько столетий с помощью материалистического подхода пытались понять душевную жизнь как «свойство высокоорганизованной материи», что привело лишь к тому, что эта исходная гипотеза как-то незаметно превратилась в догматический постулат. И это несмотря на то, что ни один исследователь не узрел ни прямо, ни с помощью каких-либо приборов, ни внутри черепной коробки, ни в самом поведении человека того, что мы в жизни действительно переживаем как чувства, желания, идеи, представления, образы, мысли и т.п. При этом кажется забытым самый естественный «опыт практики»: если все не так, то, может быть, наоборот? Беда в том, что наоборот уже было – в глубокой древности и возврат к этому таит опасность утратить веру в историческое развитие высших познавательных способностей человека. А ведь уже существовали представления о нутрическом, эйдетическом источнике жизни космоса и человека, высказанные Анаксагором и Платоном. И не случайно эти идеи развивались в трудах многих теологов, философов, вплоть до Т. Шардена и К. Юнга. Даже лауреат Сталинской премии С.Л. Рубинштейн²

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.

прямо указал на латентность, сокровенность, т.е. принципиальную физическую недостижимость душевных процессов. По сей день, например, кибернетически и синергетически умудренные Д. Хофштадтер и Д. Деннет продолжают размышлять: что бы это значило? – несмотря на суперпрогресс цивилизации [3]. Кажется, ведь так просто – вернуться к первородному опыту. Если теперь мы уже знаем, что образы и мысли «не находятся» в нашем теле, то, может быть, это мы сами находимся в мыслеобразах? И это всего лишь означает, что наша телесная очевидность не делает нас телесно самодостаточными. Мы это прекрасно чувствуем и поэтому не просто живем, но одновременно *переживаем* многогранные гипермерные душевные моменты. «Субъект-объектная иллюзия», доминировавшая в сознании философов, а потом и психологов, начинает рассеиваться лишь к концу второго тысячелетия. Традиционная для системы наук, в том числе и психологии, ориентация на развитие физического знания, построенного на безукоризненном принципе – мерить подобное подобным, завершается парадоксальной неопределенностью, поскольку даже в новейших физических исследованиях все больше начинает занимать проблема самого исследователя (проблема влияния наблюдателя на наблюдаемый процесс). Более того, смысл любым инструментальным измерениям приписывает сам конкретный исследователь в зависимости от конкретного состояния своего сознания. Отсюда понятно, почему в конце XX в. «идеалистически» мыслящие трансперсональные психологи и материалистически мыслящие физики нашли парадоксальный консенсус в русле современной холистической парадигмы: то, что представляется нам как *реальность*, является функцией состояния нашего сознания (Д. Бём и др.). Этот ренессанс холистической науки породил и ренессанс трансперсональной психологии, в которой древняя мудрость получила новое звучание: к нам вернулся многомерный спектр *альтернативных состояний сознания* (АСС). Тем самым преодолевается забальзамированная со времен З. Фрейда дихотомия «сознание – бессознательное». Ведь само указание на «бессознательное» уже означает включение его в поле сознания в качестве формы его инобытия, т.е. формы АСС. Однако вышеприведенная формула относительности знания (как функции АСС) содержит в себе ловушку для уже прозревающего исследователя, т.к. он сам оказывается в капкане этого принципа. Кто контролирует АСС самого исследователя? Подобное понимает подобное в партнерстве, иначе неизбежны все известные формы редукций. Таким образом, без введения в анализ этой ситуации коммуникативного измерения АСС исследователя само оказывается неконтролируемо. Следовательно, базисной задачей в рамках коммуникативной методологии является соотнесение уровней спектра АСС и уровней спектра коммуникативных процессов, доступных человеку.

В русле этой глобальной перспективы здесь я лишь обозначу те коммуникативные модели, которые сформировались в рамках основных психологических парадигм.

Поставленная задача выглядела бы и тривиальной, и суетной, если бы не достигнутое понимание того, что обозначаемые ниже 8 психологических парадигм и школ обнаруживают взаимодополнительные кумулятивные отношения и, следовательно, образуют коммуникативный психологический универсум [2, 4].

Биопсихология (психофизиология, психосоматика, телесно-ориентированная психотерапия, биоэнергетика, биологическая обратная связь в саморегуляции, аутогенная тренировка и т.п.). Концентрируясь на минимальном психологическом феномене-момента «психосоматического соответствия», это направление разрабатывает наиболее дифференцированные представления об интересихической реальности. Но сама эта реальность непосредственно связана и, видимо, *производна* от элементарной *психосоматической коммуникабельности* человека. С чего это начинается? Или с коммуникативного поля эмоционального психосоматического контакта «мать – младенец», или с коммуникативного континуума: обладание сексуальным партнером – самообладание (или наоборот?). Это проблема – «курица – яйцо» и вечная психофизиологическая проблема психологии. В любом случае речь идет об элементарной «точечной» коммуникации, проявляющейся уже в перинатальный период [5]. Далее я буду более краток, применяя тот же принцип анализа.

Поведенческая (когнитивно-бихевиоральная психология) уже делает акцент на экстрапсихическом поле ситуации и анализирует организацию психических процессов в масштабе сложного поведения. Можно представить и описать этот уровень душевной жизни как производный от ситуативной коммуникабельности индивида к определенным мотивационно значимым аспектам окружения.

Динамическая психология (психоанализ) на основе открытия бессознательной способности и склонности индивидуума к активной проекции душевных переживаний выходит за пределы наличной (S-R) ситуации. Здесь аналогично можно говорить о производности психодинамических процессов от проективной коммуникабельности индивидуума, которая задает значительно более масштабное коммуникативное поле «переносов и контрпереносов» по сравнению с поведенческой парадигмой. Не случайно современные психоаналитики все больше ориентируются на коммуникативный подход [6].

Гештальт-психология, интегрируя все предыдущие представления о душевной активности, идет дальше на основе понимания универсальной гармонии гештальта и открытия «психологического поля» как еще более масштабной реальности душевной жизни человека. Здесь также можно предполагать действие особого фактора «гармоничной коммуникабельности», чувствительной к диссонансам и консонансам в коммуникативных отношениях.

Если первые 4 парадигмы относятся к классической, «телесноцентрированной», или *микropsихологии*, то следующие 4 парадигмы характеризуют современную, «культуроцентрированную» макropsихологию, поскольку источником душевной жизни просматривается не столько тело, сколько культура социума.

Социальная психология (символический интеракционизм) представляет человека как субъекта интериоризации и эктериоризации множества формальных и неформальных социальных, символических ролей. Здесь уже очевидно, что таким образом организованная душевная жизнь социального субъекта является прямым следствием сформированной в культуре системы конвенциональной коммуникации.

Гуманистическая психология, возможно впервые рельефно обозначившая нередуктивное полноценное представление о самоактуализирующейся личности, прямо базируется на особых свойствах человеческой коммуникации – эмпатии, децентрации, самораскрытии. Важно подчеркнуть, что такая собственно межличностная коммуникация выходит за рамки конвенционально-ролевой коммуникации, представленной в предыдущей парадигме.

Экзистенциальная психология преодолевает границы самоактуализации личности через открытие феноменов аутентичной самотрансценденции, что непосредственно связывается со способностью человека к собственно «экзистенциальной коммуникации» (К. Ясперс).

Она рождает возможность свободного самоопределяющегося бытия человека в ситуации сопричастности.

Трансперсональная психология через открытие спектра альтернативных состояний сознания ставит проблему преодоления человеком собственного личностного «я», выхода к «космическому сознанию» на основе трансперсональной коммуникации, управляющей динамикой движения в спектре АСС. Практика коммуникации этого уровня через динамику АСС удивительным образом возвращает человека к его телесности в новом качестве – одухотворенной телесности.

Следовательно, в этом заключительном аккорде мы обнаруживаем «эффект октавы». Этим я хочу сказать, что музыкальная аналогия октавы, предложенная в начале статьи, вовсе не является случайной и имеет свою существенную перспективу исследования. Тем самым мы подтверждаем гармоничную сущность душевного процесса, *универсальность* его гармонии. Это вселяет оптимизм и веру в возможность развития такой интегральной метамотивационной характеристики человека, как толерантность. Поэтому дальнейшее развитие коммуникативной методологии психологического ренессанса видится мною в осуществлении транскомуникативного синтеза всех вышеоцененных парадигм в масштабе транскомуникативных моментов, пространств, миров и потенциалов, чему посвящены мои последние работы [7]. Остается извиниться перед читателем за то, что я ни разу не обмолвился о том, что же такое психологический ренессанс. Зато у нас остается шанс пережить и молчание как особую форму толерантной коммуникации.

Литература

1. Кабрин В.И. Психологический универсум человека нозгического. Томск, 1999. С. 71–74.
2. Кабрин В.И. Нозгическое измерение в психологии человека: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 12. С. 23–28.
3. Хофштадтер Д., Деннетт Д. Око разума. Самара, 2003. 432 с.
4. Кабрин В.И. Креативность, духовность и личностный рост в нозгической и транскомуникативной перспективе // Сибирский психологический журнал. 1999. Вып. 10. С. 13–17.
5. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансцендентное в психотерапии. М., 1992. 336 с.
6. Лэнгс Р. Рабочая книга психотерапевта: Бессознательные аспекты общения и их понимание. М., 2003. 192 с.
7. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности. М., 2004. 246 с.

PSYCHOLOGY AS SCIENCE OF THE TOLERANCE: COMMUNICATIVE APPROACH
V.I. Kabrin (Tomsk)

Summary. The work is devoted to the communicative synthesis of basic psychological paradigms of classical and modern psychology. The author attempts to understand the synergy of the approaches considered herein in the mode of tolerant communication.

Key words: tolerant communication, classical psychology, modern psychology.